

Дльба-Маре:
свет, рождённый морем

Книга первая

Август Фьорд

Дмитрий Иванов

Дмитрий Иванов

Альба-Маре: свет, рожденный морем. Книга первая - Август Фьорд

<https://litres.ru/74536053>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда южный город у моря пал, юный стражник Август потерял всё — дом, семью, своё место в мире. Вместе с гитарой и мечом отца он отправляется в путь, который приведёт его через города, моря и снега к самому себе.

Мальчик, слышавший музыку в шуме прибоя. Юноша, семь лет не прикасавшийся к струнам. Мужчина, бежавший из горящего города с клинком отца на поясе и пеплом дома в волосах. Август не знал, куда идёт. Знал только, что не может остаться.

По пути — странники и барды, моряки и северные охотники. Игра для тех, кто готов слушать, и умение слышать тех, кого раньше считал врагами. Потеря надежды — и обретение её снова. Понимание, что дом — это не стены, а те, кто ждёт. И голос, который сильнее любого оружия.

«Август Фьорд» — история о том, как человек учится быть собой, когда всё, что его формировало, превратилось в пепел. Книга о музыке, которая сильнее ненависти, и о тишине, в которой слышно самое главное. О пути, который начинается с потери — и ведёт к обретению.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: свет, рождённый морем	5
Глава 1. Альба-Маре	5
Глава 2. Голос ветра	12
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дмитрий Иванов Альба-Маре: свет, рожденный морем. Книга первая - Август Фьорд

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: свет, рождённый морем

Глава 1. Альба-Маре

Когда говорят о рае, редко уточняют, что он находится на берегу лазурного моря. Но тот, кто видел Альба-Маре, знает: именно так он и выглядит.

Название города со старого языка дословно означало «Белый берег». Но было и второе — более лиричное, которое знали только местные: «Свет, рождённый морем». Говорили, что первые поселенцы выбрали это место не случайно. Они искали не просто землю у воды — они искали место, где небо встречается с морем так близко, что граница между ними исчезает. И они нашли его.

Здесь рассветы были такими долгими, что казалось, будто солнце не поднимается, а прорастает из воды. Сначала — тонкая золотая нить на горизонте, потом — медленное, почти ленивое рождение света, который разливался по небу, как мёд. И в этот час море становилось прозрачным до самого дна, и можно было видеть, как рыбы скользят между камнями, не веря, что ночь прошла.

Воздух здесь был настолько прозрачным, что в ясный день можно было разглядеть горы на другом берегу залива — синие, призрачные, будто нарисованные на полотне из дымки. Зимы не знали вовсе, а осень была лишь лёгкой тенью лета. Она приходила не с холодом, а с прозрачностью: воздух становился чуть звонче, море — глубже, а розы, казалось, цвели ещё пышнее, будто прощаясь с теплом до следующего года. Листья с деревьев падали редко и без спешки, и их не сжигали, а оставляли лежать на дорожках, чтобы они шелестели под ногами до самого декабря.

Жизнь в Альба-Маре текла не по часам — она текла по приливам. Рыбаки знали, когда море щедро, а когда оно просто дышит. Дети просыпались не от боя колоколов, а от крика чаек и запаха хлеба, который поднимался из пекарни на углу. Вечерами в порту зажигались масляные фонари, и их свет, отражённый в воде, дрожал, как живой.

Люди здесь не спешили. Они знали, что завтра будет так же, как сегодня, — и это не пугало их. В этом не было скуки, в этом была уверенность. Уверенность, что мир не рухнет,

что море не поднимется выше стен, что завтрашний день не принесёт ничего, кроме того же солнца, тех же волн и тех же улыбок.

Иногда в порт заходили чужеземные корабли. Они привозили заморские ткани с необычными узорами, истории о далёких королевствах и запахах, которых в Альба-Маре никогда не слышали. Но эти корабли никогда не оставались надолго. Им казалось, что здесь слишком тихо. Слишком спокойно. Слишком по-настоящему.

У Альба-Маре был свой голос.

Он начинался задолго до рассвета, когда море ещё дышало во сне, а город лежал неподвижно, как камень, прогретый за день солнцем. Первыми просыпались чайки — их крики были резкими и короткими, как удары по воде. Затем где-то в порту скрипела лодка, и этот скрип разносился по берегу, как напоминание: ночь кончилась, можно начинать.

К полудню голос города становился плотным. В нём смешивались шаги по булыжнику, звон посуды в тавернах, голоса торговцев, зовущих покупателей, и далёкий звон колоколов с башни Совета. Это был не шум — это был пульс. Живой, тёплый, чуть торопливый, но без тревоги.

К вечеру голос менялся. Становился глубже, тише, почти задумчивым. Волны набегали на берег с ровным, убаюкивающим шёпотом. В окнах зажигались масляные лампы, и их свет, отражаясь в тёмной воде, словно продолжал разговор, начатый утром. Город не затихал — он просто переходил на

другой язык, понятный только тем, кто умел слушать.

Август умел слушать, ведь вырос среди этих звуков — и не знал, что где-то может быть иначе. Ему казалось, что тишина — это когда море затихает на мгновение между волнами. И в эти мгновения он слышал что-то другое — как будто сам воздух вибрировал, складываясь в мелодию, которую никто не играл.

Впервые это осознание пришло к нему в восемь лет.

Случилось это в один из тех дней, когда отец ушёл на службу, мать возилась в доме, а Августу нечем было заняться. Тогда он ушёл к старому пирсу, где рыбаки чинили сети и пахло смолой и мокрыми досками. Сев на нагретый камень и свесив ноги к воде, мальчик уставился на горизонт, где море сливалось с небом в одной бледной линии.

Сколько он просидел так — час или два — было не важно. Глаза следили за чайками, кружившими над лодками, за лёгкой рябью, бежавшей к берегу, за облаками, которые медленно меняли форму. И вдруг он услышал.

Не голоса. Не крики. Не плеск.

Что-то другое. Что-то, чего не было, но что звучало внутри него, как будто кто-то тихо пел на языке, которого не знал, но понимал. Когда он закрыл глаза, он понял: с ним говорит сам город.

Август не знал, как это объяснить. Не знал, что это называется музыкой. Знал только, что это — его. Что он хочет слушать снова и снова, до тех пор, пока не запомнит каждую

ноту, каждый вздох этого звука.

Солнце уже начинало клониться к закату, и тени становились длинными. Его пальцы, лежавшие на коленях, слегка подрагивали, будто уже перебирали струны, которых ещё не было.

Мать нашла его у самой воды, когда начало темнеть. Она стояла на причале, сложив руки на груди, и смотрела на него с выражением, которое он не мог тогда понять, — смесь беспокойства и какой-то тихой, почти грустной гордости.

— Август, — позвала она негромко. Тихо, будто боялась его разбудить.

Он не обернулся, продолжая смотреть на воду.

— Август, — повторила она. — Пойдём домой. Ужин остынет.

Медленно повернув голову, мальчик взглянул на мать. Его глаза были ясными, но в них появилось что-то новое — то, чего она раньше не видела.

— Я слышал, — сказал он тихо. — Ты тоже слышишь?

Она замерла на мгновение. Потом подошла ближе, села рядом на камень — не на причале, а на том самом камне, где сидел он. Положила руку ему на плечо.

— Что ты слышал? — спросила она.

— Не знаю, — ответил Август. — Но оно было.

Мать помолчала. Посмотрела на море, на вечернее небо, которое уже начинало темнеть. И сказала то, что он запомнил на всю жизнь:

— Ты слышишь то, что большинство перестаёт слышать, когда вырастает. Не теряй это, Август. Даже если другие будут говорить, что это пустое.

Конечно, он не понял тогда её слов. Но он запомнил их. И тепло её руки на своём плече. И вечерний свет, который дрожал на воде, как живой.

Они вернулись домой, когда уже совсем стемнело. Отец сидел за столом, хмурый, и глянул на Августа с лёгким недовольством.

— Где ты был? — спросил он коротко.

— На причале, — сказал Август.

— Сидел и смотрел на воду, — добавила мать спокойно, ставя перед сыном тарелку с горячей похлёбкой. — Ему полезно.

Отец хотел что-то сказать, но передумал. Только качнул головой и вернулся к своей кружке.

Август ел молча. Но его пальцы — под столом, там, где никто не видел, — всё ещё подрагивали, запоминая движение, которого ещё не было.

С того дня он начал приходить на пирс каждый день.

Сначала — всего на несколько минут. Потом — на целые часы, когда другие дети играли в догонялки или помогали взрослым. Он садился на тот же камень, закрывал глаза и слушал.

Иногда ему казалось, что слышит мелодию — не целиком, а только её края, её дыхание. Как будто она была где-то ря-

дом, за поворотом, но пока не решалась показаться. Он ждал. Терпел. Учился слушать так, чтобы не спугнуть.

Август не говорил об этом ни с кем — ни с друзьями, ни с отцом, даже с матерью. Только с ней иногда обменивался короткими взглядами: она смотрела на него через кухонное окно, когда он возвращался с пирса, и он видел в её глазах тот же тихий, понимающий свет. Она ничего не говорила. И он был ей за это благодарен.

Тогда, в восемь лет, он просто сидел на камне, смотрел на море и слушал, как дышит мир. И мир, казалось, дышал в ответ — медленно, глубоко, как старый друг, который не торопится говорить, но всегда готов слушать.

Глава 2. Голос ветра

Тринадцать лет — возраст, когда мир начинает открываться заново. Именно тогда Август впервые услышал звук, навсегда изменивший его жизнь.

Случилось это на площади, в день, когда в порт вошёл чужеземный торговый корабль. Его паруса цвета слоновой кости и корпус, украшенный невиданной резьбой, привлекли внимание всего города.

Такие корабли приходили редко — в основном в сезон, когда в Альба-Маре созревали фрукты. Здесь выращивали гранаты, финики, лимоны, апельсины и особый сорт сладкого винограда. Торговцы особенно ценили сушёный инжир, сладкие цукаты и фруктовые вина.

Но их появление было не только торговым событием. Люди собирались у причала — не за товаром, а за чудом. За запахами далёких стран, за именами, которых никто не слышал, за лицами тех, кто говорил на незнакомом языке. В этих кораблях было что-то от праздника — они приносили не только товары, но и истории, которые потом пересказывали в тавернах до следующего сезона.

На площадь Август прибежал, когда толпа уже рассеялась. Он надеялся увидеть чужеземцев, но зрелище, открывшееся перед ним, превзошло все ожидания.

На каменном возвышении, где обычно выступали торгов-

цы, сидел молодой человек лет двадцати пяти. В руках он держал инструмент, которого Август никогда не видел: изогнутый корпус, шесть струн, длинный гриф, по которому пальцы двигались легко и уверенно.

Человек не пел. Просто играл. И звуки, которые он извлекал, были похожи на голос города, но только теперь у этого голоса появились слова, понятные сердцу. Музыка лилась над площадью, разбивалась о стены домов и возвращалась обратно, как прилив. Август не знал, что это за мелодия, но она говорила о том, о чём он никогда не мог сказать словами: о дальних берегах, о тишине в открытом море, о том, что остаётся, когда ты остаёшься один.

Стоя неподвижно, он забыл, что вокруг есть люди, забыл, что нужно дышать. Взгляд был прикован к пальцам чужеземца, к тому, как они касаются струн, и внутри поднималось что-то, чего он не мог назвать. Желание? Зависть? Или просто осознание, что он тоже хочет так говорить.

Музыка закончилась так же внезапно, как началась. Чужеземец убрал руки от струн, и площадь, только что затаившая дыхание, снова ожила — зазвенели голоса, закрипели телеги, закричали чайки.

Август хотел подойти к нему, спросить его имя, рассказать об этом инструменте и музыке, но его остановил голос: — Красиво играет, правда?

Обернувшись, он увидел купца — того самого, с торгового корабля, который продавал диковинные вещи. Тот улы-

бался и смотрел на юношу с лёгким любопытством. Лицо его было обветренным, а руки — большими и грубыми, но в глазах горел тихий, внимательный огонь.

— Таких инструментов в этих краях больше нет, — сказал купец, заметив взгляд Августа. — Хочешь посмотреть поближе?

Август кивнул, не в силах вымолвить ни слова.

Купец указал на инструмент, который чужеземец поставил на землю у самого ларя с товарами.

— Это гитара, — сказал он. — Её родина — за морем. Там, где она сделана, её называют «голосом ветра».

Взгляд Августа скользнул по инструменту. Древесина его была тёплой, медовой, почти золотистой. На грифе виднелись пятна — следы пальцев, которые оставил тот, кто играл на нём до этого. Гитара была не новой, но была живой.

— Сколько она стоит? — спросил он.

Купец усмехнулся:

— Много. Очень много. Тысяча медных монет. Таких денег у твоего отца нет.

Кулаки Августа сжались. Тысяча медных монет. Он знал, сколько зарабатывает отец в месяц — двести монет, триста в хороший месяц. И знал, что отец не даст ему ни одной, если узнает, зачем они нужны.

— Но, — сказал купец, заметив его лицо, — я могу договориться.

— Как? — спросил Август.

— Ты выглядишь как человек, который умеет работать. Рыбалка, помощь на пристани, что-нибудь ещё?

Август молчал.

— Так вот, — продолжал купец, — я приплыл за фруктами и винами, которыми славится ваш город. Сам я торгую пряностями, маслами, тканями и диковинными вещами, которые привожу с восточных земель. Но мой корабль нуждается в починке: нужно залить смолой швы, подлатать паруса, да и разгрузка с погрузкой займёт не один день. Два дня работы, и я могу зачесть это в счёт. А если ты попросишь своего отца помочь, может быть, я отдам тебе эту гитару за половину цены.

Сердце забилося быстрее. Это был шанс. Маленький, но реальный.

— Я согласен, — сказал Август, почти не слыша своего голоса.

Купец посмотрел на него внимательно, будто видел впервые. В его глазах мелькнуло что-то — уважение или, может быть, память о чём-то давнем.

— Меня зовут Маттео, — сказал он. — Как мне тебя называть?

— Август, — ответил тот.

— Что ж, Август, приходи завтра на рассвете. Я покажу, что делать.

День пролетел как один миг — он почти не помнил, что делал, кого видел, о чём говорил. Всё слилось в одно ожида-

ние.

Ночью сон не шёл. Ворочаясь с боку на бок и глядя в потолок, он переживал, что проспит или что отец не отпустит его на причал. В бессонной тишине слушал, как за окном дышит море. Каждый всплеск, каждый вздох воды — и в этом ритме чудился голос той самой гитары, которую он ещё не держал в руках. Он видел её перед собой: тёплое дерево, потемневший гриф, струны, которые ждали его пальцев. Он не знал, как на ней играть. Но уже знал, что она его.

Уснуть так и не удалось.

Когда за окном начало светать, в доме стояла та особая тишина, которая бывает только перед рассветом, когда даже море кажется спящим. Одевшись наспех, стараясь не шуметь, он вышел во двор. Воздух был влажным и прохладным, пахло мокрой травой и солью. Задержавшись на мгновение, он глянул на звёзды, которые ещё не погасли, и почувствовал, как внутри поднимается странное волнение — смесь страха и надежды.

На причале уже слышались голоса. Корабль стоял у пирса — старый, но крепкий, с выцветшими парусами. На палубе кипела работа: матросы перетаскивали тюки, стучали молотки, кто-то ругался на незнакомом языке. Подойдя к трапу, Август остановился, не зная, куда идти.

Из трюма появился Маттео — без куртки, в одной рубашке, с закатанными рукавами.

— Ты рано, — сказал он. — Начни с того, что отнеси эти

мешки к складу, — он указал на них рукой. — Потом я скажу, что дальше.

— Хорошо, — ответил Август и взялся за работу.

Два дня слились в один длинный, тягучий миг. Он таскал мешки с пряностями, перекачивал брёвна для починки корпуса, тащил бочки с маслом. Помогал заливать смолой швы между досок, натягивал паруса вместе с матросами, заменял ослабшие канаты. А под вечер, когда остальные расходились, он драил палубу — доски были тёплыми от солнца, и вода, которую он выливал из ведра, быстро высыхала на ветру. Руки покрылись ссадинами, спина ныла, от пота щипало глаза. Но он не жаловался — просто делал то, что говорили, и ждал, когда наступит вечер.

Август так и не попросил помощи у отца. Даже не сказал ему о сделке. Знал, что тот не поймёт, а может, и запретит. Поэтому пошёл один. И работал так, будто от этого зависело всё. К концу второго дня он почти не чувствовал рук. Сидя на корточках у борта и держа тяжёлый кусок каната, пытался распутать его, когда за спиной раздались шаги.

— Ты не остановился ни разу, — сказал Маттео.

Август поднял голову. Грязный, потный, под глазами — тени.

— Я хочу заработать эту гитару, — ответил тихо.

Маттео посмотрел на него долгим взглядом. Усмехнулся — не насмешливо, а скорее с уважением.

— Тогда держи.

Гитара легла в руки — тёплая, как живая. В лучах заходящего солнца на деке заиграли золотые отблески. Взяв её, Август почувствовал, как земля ушла из-под ног. Слова не находились.

— Но я же... не отработал... — промямлил он, не поднимая глаз.

— Ты отработал, — сказал Маттео. — Я видел. Ты делал больше, чем я просил. Не просил воды, не отлынивал, не жаловался. Я даю тебе её не за работу. Я даю тебе её за то, что ты не сдался.

Стоя на причале и прижимая к себе гитару, Август чувствовал, как внутри поднимается что-то тёплое, почти незнакомое. На усталых руках, на стёртых ладонях лежал его первый настоящий инструмент — и он стоил каждого часа работы, каждой капли пота, каждой ссадины и той бессонной ночи, когда боялся, что всё рухнет.

Маттео усмехнулся, глядя на него.

— Я не отдаю её тебе, — сказал он. — Я оставляю её у тебя на время.

Август почувствовал, как земля уходит из-под ног.

— Но ты же сказал...

— Я сказал, что она твоя, — перебил его Маттео. — И она будет твоей. Через год я вернусь в Альба-Маре. Если за это время ты научишься играть так, что хотя бы один человек в этом городе заплачет или улыбнётся, слушая тебя, — она твоя. Бесплатно. А если нет — я заберу её и продам в другом

городе.

Август молчал, не веря своим ушам.

— Почему? — спросил он тихо.

Маттео помолчал. Посмотрел на море, на горизонт, где уже почти скрывался его корабль. Он не сказал Августу, что не вернётся. Что этот год — не срок, а повод. Что ему не нужна гитара, и не нужны деньги. Ему нужно было, чтобы этот мальчик поверил в себя.

Вместо этого сказал:

— Потому что у меня был сын. Он тоже мечтал играть. Тоже был мальчишкой, когда я впервые увидел у него в руках гитару. Я думал, это пустое. Я думал, ему нужны деньги, земля, дело. И я сказал ему: сначала заработай, потом играй. И он ушёл на заработки. И больше не вернулся.

Август смотрел на него, боясь пошевелиться.

— Теперь мне не нужны деньги, — сказал Маттео тихо. — Мне нужен кто-то, кто докажет, что я был неправ. Научись играть, мальчик. Не ради меня, ради себя.

Повернувшись, он пошёл к кораблю. Сделал несколько шагов, потом остановился. Не обернулся, но замер, глядя на воду, будто что-то вспоминая.

— И запомни, — сказал, не повышая голоса, но Август слышал его отчётливо, как будто они стояли рядом. — Инструмент — это просто дерево и струны. Главное — внутри. Не прячь это никуда. Никогда.

Август хотел спросить, что тот имеет в виду. Хотел крик-

нуть ему вслед, чтобы объяснил. Но слова не находились. Стоя с гитарой в руках, смотрел на широкую спину купца, которая медленно поднималась по трапу, и чувствовал, как внутри закипает что-то тягучее, тёплое, почти болезненное.

Он не знал, что это называется благодарностью. Просто знал: этого человека запомнит навсегда.

Маттео уже скрылся на палубе. И через мгновение, когда Август уже решил, что тот ушёл, из-за борта донёсся голос: — Через год я вернусь. Ты ведь будешь уметь играть?

Август открыл рот, но звука не вышло. Тогда он просто крикнул в ответ — хрипло, почти выдохом:

— Буду.

Над водой повисла тишина. И в этой тишине он услышал, как где-то в порту скрипнула лодка, как чайка крикнула над пирсом, как ветер коснулся струн, которые ещё не умел настраивать. И ему показалось, что гитара в его руках чуть-чуть потеплела — будто она тоже слушала.

Стоя на пустой площади, сжимая в руках тёплое дерево, он смотрел, как корабль медленно отчаливает. Белые паруса цвета слоновой кости надувались ветром, корпус покачивался на волнах, и взгляд провожал его до тех пор, пока он не превратился в маленькую точку на горизонте. Море было спокойным, и лёгкая рябь на его поверхности расходилась кругами, будто вода тоже училась отвечать на прикосновение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.